

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

doi: 10.51639/2713-0576_2026_6_2_05

Научная статья

УДК 32.019.5:355.4

ГРНТИ 11.15.89

ВАК 5.9.9

Военная цензура как «сущностно оспариваемый концепт»: опыт концептуального анализа и переосмысления

Виктория Александровна Абрамова^{1*}, Владислав Валерьевич Душкин²
*Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко,
г. Краснодар, Россия*

^{1*}vabramova474@gmail.com

Аннотация

В статье проводится теоретико-методологический анализ процесса рефрейминга категории «военная цензура» в современном политическом дискурсе. Автор исследует эволюцию семантических и концептуальных границ данной категории на фоне трансформации информационного пространства, актуализации гибридных форм военных конфликтов и усиления роли медиасферы в современных войнах. На основе концептуального анализа, дискурс-анализа и когнитивного подхода выявляются механизмы переосмысления военной цензуры: от инструмента государственного контроля к многоуровневой системе управления информацией при нарастании информационного противоборства. Устанавливается, что рефрейминг категории осуществляется через три ключевых вектора: нормативно-правовой, технологический и концептуально-дискурсивный. Предложена авторская типология форм государственного и корпоративного медиарегулирования применительно к реалиям цифровой эпохи.

Ключевые слова: военная цензура, рефрейминг, информационное противоборство, политический дискурс, медиарегулирование, информационная безопасность, когнитивный подход, дискурс-анализ.

Категория «военная цензура» обладает длительной историей концептуального осмысления в политической науке, праве и философии. Однако именно в последние десятилетия, при радикальной трансформации информационного пространства и появлении принципиально новых форм вооружённых конфликтов, данная категория претерпевает глубокое концептуальное переосмысление. Классические определения военной цензуры, сложившиеся в эпоху индустриальных войн XX века, оказываются недостаточными для описания современных механизмов ограничения и регулирования информации в период боевых действий.

Процесс рефрейминга – переосмысления и переформулирования концептуальных рамок – является одним из ключевых механизмов эволюции политических категорий. В рамках когнитивной политологии и дискурс-анализа рефрейминг понимается как целенаправленное или стихийное изменение концептуальных схем, через которые воспринимается и интерпретируется определённое явление (Лакофф, 2004; Энтман,

1993). Применительно к категории «военная цензура» этот процесс приобретает особую научную и практическую значимость. Под рефреймингом политической категории мы понимаем системную трансформацию её концептуального содержания, при которой меняются не только формальные дефиниции, но и субъектная структура, нормативные коннотации

и легитимирующие нарративы – без полного разрыва с исходным смысловым ядром.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, нарастающая интенсивность информационного противоборства в современных конфликтах (Украина, Сирия, Нагорный Карабах) обнажает концептуальные лакуны в понимании военной цензуры. Во-вторых, распространение цифровых технологий и социальных сетей принципиально изменяет субъектную структуру информационного контроля: наряду с государством к числу цензоров де-факто относятся крупные технологические корпорации, медиаплатформы и алгоритмические системы. В-третьих, обострение дискуссий о границах свободы слова в военное время в международно-правовом и конституционном измерениях требует уточнения категориального аппарата.

Цель статьи – провести теоретико-методологический анализ процесса рефрейминга категории «военная цензура» и выявить ключевые векторы её концептуальной трансформации применительно к реалиям сетевого информационного общества.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать генезис и классические трактовки категории «военная цензура»;
- 2) раскрыть теоретико-методологические основания анализа рефрейминга политических категорий;
- 3) выявить ключевые векторы трансформации категории «военная цензура»;
- 4) предложить авторскую типологию современных форм военной цензуры.

Понятие «рефрейминг» (reframing) восходит к теории фреймов, разработанной И. Гоффманом [1, 2] в рамках символического интеракционизма. В политической науке концепция получила развитие, прежде всего, в работах Дж. Лакоффа, который показал, что политические фреймы представляют собой когнитивные структуры, определяющие восприятие социально-политической реальности и задающие рамки интерпретации тех или иных явлений [3]. Рефрейминг в этом контексте означает замену одного фрейма другим, что влечёт за собой изменение смысловых коннотаций, нормативных оценок и политических следствий, связанных с данным явлением.

Применительно к исследованию политических категорий рефрейминг следует отличать от смежных концептов: редефиниции (изменения дефиниции при сохранении концептуальных рамок), концептуальной экспансии (расширения объёма понятия без смены парадигмы) и концептуальной революции (радикального разрыва с предшествующими трактовками). Рефрейминг предполагает более тонкое изменение – переструктурирование концептуальной рамки при частичном сохранении категориального ядра.

В методологическом отношении анализ рефрейминга политических категорий предполагает применение комплекса взаимодополняющих подходов. Концептуальный анализ [4, 5] позволяет реконструировать семантическую историю категории и выявить так называемые «сущностно оспариваемые концепты» (essentially contested concepts). Критический дискурс-анализ [6, 7] даёт возможность исследовать, каким образом изменения в языке политики воспроизводят и легитимируют трансформации властных отношений. Когнитивный подход, опирающийся на теорию концептуальных метафор

[8], раскрывает механизмы метафорического переноса, посредством которых осуществляется переосмысление сложных политических явлений через апелляцию к более простым и доступным концептуальным доменам.

Важным методологическим ресурсом для настоящего исследования является также концепция «рамочного анализа» (frame analysis) в политической коммуникации, разработанная Р. Энтманом [9]. Согласно этой концепции, фрейминг предполагает отбор отдельных аспектов воспринимаемой реальности и придание им большей значимости в коммуникативном тексте таким образом, чтобы продвигать определённую интерпретацию проблемы, её причинно-следственную трактовку, моральную оценку и/или рекомендации по её решению.

Синтез перечисленных методологических подходов обеспечивает комплексное видение процесса рефрейминга категории «военная цензура» одновременно в лингво-когнитивном, дискурсивном и политико-институциональном измерениях.

В классической политической и правовой традиции военная цензура определяется как система государственного контроля над информацией в период вооружённого конфликта, направленная на предотвращение утечки сведений, способных нанести ущерб военным операциям или национальной безопасности. В этом смысле военная цензура является одним из древнейших институтов политического управления: её элементы прослеживаются ещё в практике античных полисов и средневековых государств.

Систематическое теоретическое осмысление военной цензуры как самостоятельного политико-правового феномена начинается в XIX веке в связи с развитием массовой прессы и телеграфной связи. Опыт Гражданской войны в США (1861–1865) и Франко-прусской войны (1870–1871) показал, что оперативное распространение информации о военных передвижениях и планах через периодическую печать может иметь стратегические последствия. Именно тогда складываются первые институциональные механизмы военной цензуры как системы предварительного контроля над публикациями военной тематики.

Подлинный расцвет военной цензуры как политического института приходится на период Первой и Второй мировых войн [10]. В годы Первой мировой войны большинство воюющих держав создали специализированные цензурные ведомства, наделённые широкими полномочиями по контролю над прессой, почтой и телеграфной корреспонденцией. В Российской империи функции военной цензуры осуществлялись Главным управлением по делам печати совместно с военным командованием; в Великобритании – Бюро военной прессы (Press Bureau); во Франции – Комиссией по контролю над прессой (Commission de contrôle de la presse). Примечательно, что уже тогда военная цензура воспринималась как феномен, требующий легитимации через апелляцию к национальной безопасности и защите жизней солдат.

В период Второй мировой войны цензурная практика приобрела более систематизированный и технологически оснащённый характер. Появление радио как массового средства коммуникации потребовало расширения субъектной структуры военной цензуры и выработки новых механизмов контроля над эфиром. Одновременно пропагандистская составляющая информационного управления получила беспрецедентное развитие: в деятельности таких ведомств, как Министерство информации Великобритании или Управление военной информации США (OWI), цензура и пропаганда оказались тесно переплетены. Это обстоятельство стало важным прецедентом для последующего переосмысления категории.

На протяжении второй половины XX века – в период холодной войны и региональных конфликтов – военная цензура претерпевала постепенную

концептуальную эрозию. Такие события, как война во Вьетнаме, где относительная свобода военных корреспондентов способствовала формированию антивоенных настроений в американском обществе, или Фолклендская война 1982 года с её жёстким медиаконтролем британских властей, поставили под сомнение как эффективность, так и легитимность традиционных форм государственного ограничения информации. Именно с этого периода начинается интенсивное переосмысление категории в академическом дискурсе.

Анализ современного политического и академического дискурса [11 - 13] позволяет выделить три ключевых вектора переосмысления категории «военная цензура», каждый из которых связан с определённым измерением трансформации информационного пространства.

Нормативно-правовой вектор связан с трансформацией международно-правового регулирования свободы информации в период вооружённых конфликтов. Традиционно военная цензура рассматривалась как законное ограничение свободы слова в чрезвычайных обстоятельствах, прямо допускаемое нормами международного гуманитарного права и конституционного законодательства большинства государств. Однако принятие Международного пакта о гражданских и политических правах (1966), решения Европейского суда по правам человека, сформировавшие доктрину пропорциональности ограничений свободы слова, а также развитие правозащитного движения создали новую нормативную рамку, в которой военная цензура оценивается значительно более критически.

В этом нормативном контексте происходит концептуальное смещение: военная цензура всё чаще переосмыляется не как исключительная прерогатива суверенного государства, а как потенциальная угроза праву на информацию, которое само по себе приобретает статус элемента международного гуманитарного права. Особую роль здесь сыграли Принципы Йоханнесбурга о национальной безопасности, свободе выражения мнений и доступе к информации (1995), а впоследствии – доктрина «ответственности по защите» (R2P), поставившая под сомнение абсолютный суверенитет государства в сфере информационного контроля.

Технологический вектор обусловлен революционными изменениями в технической инфраструктуре информационного пространства. Распространение интернета, социальных сетей и мобильных коммуникаций принципиально изменило саму природу информационного потока в зоне конфликта. Если в эпоху традиционных медиа государственный контроль над информацией осуществлялся посредством надзора над ограниченным числом вещательных центров и редакций, то при сетевой организации медиасреды каждый участник конфликта и каждый очевидец потенциально является источником информации, конкурирующим по охвату с крупнейшими медиаканалами.

В этом контексте происходит двойное переосмысление категории. С одной стороны, государства разрабатывают качественно новые инструменты информационного контроля – фильтрацию контента, блокировку платформ, работу с алгоритмами рекомендаций, – которые не вписываются в классическое понятие цензуры как предварительной проверки публикаций. С другой стороны, функции де-факто цензора берут на себя технологические корпорации, принимающие самостоятельные решения об ограничении или удалении военного контента на основе корпоративных политик, нередко под давлением тех или иных государств. Возникает феномен «платформенной цензуры», который С. Клейман (2021) обозначает термином «алгоритмическое управление информацией».

Концептуально-дискурсивный вектор связан с переструктурированием самих языковых и концептуальных рамок, через которые военная цензура описывается и легитимируется в политическом и медийном дискурсе. Анализ актуального дискурса показывает, что термин «военная цензура» в официальных коммуникациях государственных акторов используется всё реже, замещаясь эвфемистическими концептами: «информационная безопасность», «управление нарративом», «стратегические коммуникации», «противодействие дезинформации», «медиарегулирование в чрезвычайных обстоятельствах».

Этот процесс нейтрализации негативно маркированного концепта «цензура» посредством переключения в нейтральный или позитивно коннотированный фрейм безопасности или управления является классическим примером политического рефрейминга. Важно подчеркнуть, что речь идёт не о простой замене термина, но о реальном переструктурировании концептуальной рамки: изменяется определение субъекта от государственного цензора к «экосистеме информационной безопасности»), объекта (от конкретных публикаций к «информационным угрозам»), цели (от защиты военной тайны к «обеспечению когнитивной безопасности общества») и оценочного модуса (от вынужденного ограничения свободы к необходимому элементу информационного суверенитета).

На основе проведённого анализа нами предлагается следующая типология форм военной цензуры, учитывающая трансформации, зафиксированные в трёх обозначенных векторах рефрейминга. Под военной цензурой в расширенном цифровом понимании мы предлагаем рассматривать совокупность государственных, корпоративных и алгоритмических практик ограничения, фильтрации и нарративного управления информацией, реализуемых в период вооружённого конфликта или угрозы его начала с целью достижения стратегических, психологических и дипломатических преимуществ.

По субъектному основанию целесообразно выделять: (1) государственную военную цензуру, осуществляемую уполномоченными органами исполнительной власти и военного командования; (2) корпоративно-платформенную цензуру, реализуемую технологическими компаниями и медиаплатформами самостоятельно или под государственным давлением; (3) алгоритмическую цензуру, осуществляемую автоматически системами машинного обучения на основе заложенных критериев; (4) «самоцензуру экосистемы», возникающую вследствие нормативного, экономического или репутационного давления на медиаакторов.

По механизму воздействия следует различать: (1) превентивную цензуру (предварительный контроль публикаций); (2) ретроспективную цензуру (удаление уже опубликованного контента); (3) инфраструктурную цензуру (ограничение доступа к платформам и сетевой инфраструктуре); (4) алгоритмическую депривилегизацию (понижение заметности нежелательного контента без его удаления); (5) нарративное управление (активное продвижение альтернативных нарративов, вытесняющих нежелательную информацию).

По предмету регулирования типология включает: (1) оперативно-тактическую цензуру, направленную на защиту конкретных военных планов и передвижений; (2) стратегически-нарративную цензуру, ориентированную на управление общим информационным образом конфликта; (3) психологическую цензуру, нацеленную на поддержание морального духа собственного населения и деморализацию противника; (4) дипломатическую цензуру, призванную управлять информационным образом конфликта в глазах международного сообщества.

Предложенная типология позволяет преодолеть концептуальную ограниченность классических определений военной цензуры и охватить весь спектр современных

практик информационного регулирования при ведении боевых действий, не утрачивая при этом аналитической чёткости категориального аппарата.

Проведённый теоретико-методологический анализ даёт основания утверждать, что категория «военная цензура» переживает интенсивный процесс концептуальной трансформации, затрагивающий все ключевые параметры её структуры: субъектный состав, механизм действия, целевую направленность и нормативно-оценочный модус.

Три выявленных вектора переосмысления – нормативно-правовой, технологический и концептуально-дискурсивный – взаимообусловлены и действуют синхронно, формируя качественно новую смысловую реальность, в которой классический понятийный аппарат оказывается недостаточным инструментом для описания актуальных режимов информационного регулирования в военное время.

Среди наиболее значимых результатов переосмысления категории выделим следующие: расширение круга субъектов за счёт включения технологических корпораций и алгоритмических систем; смещение акцента с превентивного ограничения публикаций к нарративному управлению медиaprостранством; переход от трактовки цензуры как вынужденного изъятия свободы к её позиционированию как элемента информационного суверенитета; стирание чёткой границы между военным и мирным временем в сфере медиарегулирования.

Разработанная нами типология форм государственного и корпоративного медиарегулирования создаёт концептуальный инструментарий для сравнительных эмпирических исследований в данной предметной области. Перспективы дальнейшей работы связаны с компаративным анализом национальных моделей информационного контроля в период цифровой трансформации, а также с изучением механизмов взаимодействия публичных и частных акторов при реализации медиapolитики в экстремальных обстоятельствах.

Конфликт интересов

Авторы статьи заявляют, что на момент передачи статьи в редакционную коллегию у них нет возможного конфликта интересов с третьими лицами.

Список источников:

1. Балугев, Д.Г. Информационные технологии в современных конфликтах / Д.Г. Балугев. – Нижний Новгород: ННГУ, 2016. – 220 с.
2. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич. – М.: ИД ВШЭ, 2016. – 592 с.
3. Лакофф, Дж. Не думай о слоне! Знай свои ценности и управляй спором / Дж. Лакофф; пер. с англ. – М.: Европа, 2004. – 141 с.
4. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в особых условиях / А.В. Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.
5. Расторгуев, С.П. Философия информационной войны / С.П. Расторгуев. – М.: Вузовская книга, 2001. – 468 с.
6. Ромашкина, А.Б. Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета / А.Б. Ромашкина, Д.А. Киричук // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – № 4. – С. 848–861. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861.
7. Федорченко, С.Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации / С.Н. Федорченко. – М.: Проспект, 2023. – 312 с.

8. Lakoff, G. Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate / G. Lakoff. – White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2004. – 124 p.
9. Entman, R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R.M. Entman // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43, № 4. – P. 51-58.
10. Rid, T. Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare / T. Rid. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2020. – 512 p.
11. Baldwin, T. The Concept of Political Censorship / T. Baldwin // British Journal of Political Science. – 1997. – Vol. 27, № 3. – P. 321-338.
12. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 259 p.
13. Gallie, W.B. Essentially Contested Concepts / W.B. Gallie // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1956. – Vol. 56. – P. 167-198.

Military censorship as an «essentially contested concept»: a conceptual analysis and reinterpretation

Victoria A. Abramova*, Vladislav V. Dushkin

*Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S.M. Shtemenko,
Krasnodar, Russia*

* vabramova474@gmail.com

Abstract

The article presents a theoretical and methodological analysis of the reframing process of the category "military censorship" in contemporary political discourse. The author examines the evolution of semantic and conceptual boundaries of this category in the context of information space transformation, the actualization of hybrid forms of military conflicts, and the growing role of the media sphere in modern warfare. Based on conceptual analysis, discourse analysis, and a cognitive approach, the mechanisms of reinterpreting military censorship are identified – from an instrument of state control to a multilevel information management system in the context of information warfare. Three key vectors of category reframing are identified: normative-legal, technological, and conceptual-discursive. An original typology of military censorship forms for the digital age is proposed.

Keywords: military censorship, reframing, information warfare, political discourse, media regulation, information security, cognitive approach, discourse analysis.